

Гостевые покои в усадьбе Беллу занимали три просторные, роскошно обставленные комнаты. Здесь было всё необходимое, включая отдельную ванную, а интерьер на удивление гармонично сочетал в себе средневековое величие и блага современной цивилизации. Картину портило лишь одно: если бы не маячившие за дверью телохранители и возможность беспрепятственно выходить наружу, это место можно было бы назвать безупречным.

— Если честно, я до сих пор не возьму в толк, что вообще происходит, — Ли Цзиньцю сидел на диване в гостиной, скрестив руки на груди, и хмуро созерцал пространство перед собой.

Ещё четверть часа назад он ждал, когда Гаррисон Беллу соизволит обсудить с ним детали исполнения «Золотого перезвона», а теперь оказался под замком. Да ещё и в компании Чжун Ина.

Чжун Ин тем временем стоял у панорамного окна, безучастно разглядывая раскинувшиеся по поместью тенистые сады и тихую гладь пруда.

— Всё просто: я соврал Беллу, будто мне двадцать восемь и я состоявшийся мастер-инструментальщик, чтобы выудить у него одну ценную вещь.

От такого чистосердечного признания в мошенничестве Ли Цзиньцю окончательно растерялся.

— погоди. Но если ты лжец и обманщик, разве я не должен ходить в героях за то, что вывел тебя на чистую воду? Какого чёрта он запер и меня?!

Возмущённый тон композитора заставил Чжун Ина невольно улыбнуться, слегка разогнав тучи над его помрачневшим настроением.

Он насмешливо прищурился:

— Наверное, у Беллу разыгралась паранойя. Вдруг коварные китайцы владеют тайной магией? Оставь он тебя на свободе, и ты бы рано или поздно поддался моему гипнозу и тоже пошёл на преступление — прямо как Доменико. Вот старик и решил перестраховаться.

Ли Цзиньцю нахмурился. С одной стороны, звучало как бред, а с другой — в этом крылась доля истины. Чжун Ин действительно обладал пугающим даром завораживать людей. Стоило его пальцам коснуться струн, как любой обман в отношении Беллу начинал казаться невинной шалостью. Если взвесить всё на чашах весов, то старик Беллу, услышав такую игру, ещё и остался в выигрыше.

Логика выстроилась на удивление стройной. Раздражение от того, что у него отобрали телефон, немного улеглось.

Ли Цзиньцю окинул Чжун Ина оценивающим взглядом. Только сейчас он заметил, что обычно растрёпанный восемнадцатилетний юноша сегодня одет непривычно строго, да и уложенная назад чёлка придавала ему напускной, даже немного старомодный вид.

— И на что же ты нацелился? — с любопытством спросил композитор.

— На десятиструнный цинь, — Чжун Ин, чьи планы пошли прахом, был совсем не прочь скоротать время за беседой. — На ту самую древнюю лютню династии Тан, которую Беллу обещал подарить моему учителю.

Ли Цзиньцю на мгновение задумался. В памяти всплыли сбивчивые рыдания Чжоу Цзюньтун, когда она сквозь слёзы твердила что-то про бесценную танскую реликвию.

С трудом собрав воедино обрывки чужого разговора, к которому он тогда едва ли прислушивался, композитор лениво откинулся на спинку дивана и зацепился за главное:

— погоди, но если Беллу и так собирался отдать её мастеру Фаню, к чему весь этот маскарад с обманом?

— К тому, что он приготовил в подарок фальшивку, — Чжун Ин тяжело вздохнул. — А настоящий цинь был у меня почти в руках.

Юноша произнёс это без тени упрёка, но Ли Цзиньцю вдруг почувствовал, как его уколола совесть. Слова «почти в руках» прозвучали для него как безмолвное обвинение: «Это всё из-за твоего длинного языка».

Лишённый смартфона композитор страдальчески застонал, мысленно метаясь из стороны в сторону. С точки зрения здравого смысла, Чжун Ин сам сознался в краже, пусть и завуалированной, а значит, сдать его хозяину усадьбы было делом благим. Но вот интуиция и чувства прямо нашептывали иное... Ему действительно стало неловко.

Да и подумаешь — какая-то лютня! Раз уж Беллу всё равно обещал сделать подарок мастеру Фаню, подсовывать подделку — верх свинства. Друзья так не поступают. А Чжун Ин, как единственный ученик великого музыканта, просто пришёл забрать то, что причиталось учителю по правому соглашению. Совершенно логично и справедливо!

Успокоив совесть столь изящным доводом, Ли Цзиньцю перевёл взгляд на Чжун Ина. Тот по-прежнему стоял у окна, со скучающим видом наблюдая, как ветер гонит палую листву по саду.

Да уж, без связи с внешним миром время тянулось невыносимо медленно для них обоих. Не выдержав, Ли Цзиньцю резко поднялся, подошёл к запертой двери и изо всей силы забарабанил кулаком по дубовой панели.

— Эй! Если господин Беллу хочет, чтобы завтрашний концерт прошёл без сучка и задоринки, ему лучше немедленно меня выпустить!

Ответ дежурившего снаружи охранника последовал незамедлительно:

— Господин Доменико передал, что репетиции «Золотого перезвона» прошли безупречно. Концерт состоится в назначенное время, даже если вы не сможете на нём присутствовать.

Ли Цзиньцю прищурился. Ах ты старый лис! Хитрый пианист воспользовался моментом, чтобы убрать его со сцены.

— А Чжун Ин?! — не унимался композитор. — Он же солист! Без его инструмента вся ваша затея лопнет как мыльный пузырь!

— На это господин Доменико ответил, что Чжун Ин — неоспоримый гений, которому не нужны репетиции. Он может выйти и сыграть экспромтом прямо на концерте. Разумеется, если у него останется такое желание.

Вот же ублюдок, умудрился сдать сразу двоих! Похоже, Доменико решил избавиться не только от назойливого композитора, но и от главного солиста. Наверняка этот пройдоха спит и видит, как перепишет концерт под фортепианную сонату, чтобы единолично блистать на сцене и упиваться собственной значимостью.

От одной только мысли, что его выпестованный концерт для старинного циня с оркестром кастрируют до сольного фортепиано, Ли Цзиньцю закипел от благородной ярости. Коварству Доменико не было предела! Вспомнив его наигранный испуг и преувеличенно громкие причитания в гостинной, Ли Цзиньцю наконец-то сложил этот пазл. Хитрый старик просто прикрылся сорокалетней дружбой с Беллу, выставив себя невинной овечкой, которую обвёл вокруг пальца коварный восемнадцатилетний пацан!

Мысли о судьбе «Золотого перезвона» лишили его последнего покоя. Оставив дверь в покое, он решительно зашагал к окну, где стоял Чжун Ин, чтобы подтвердить свои догадки.

— Вы ведь с Доменико провернули это дельце сообща, да? — в упор спросил он. — Только этот скользкий тип мог обвести Беллу вокруг пальца, выйти сухим из воды, да ещё и подставить меня под удар!

В его голосе сквозила искренняя обида — и на коварство пианиста, и на несправедливость судьбы, отобравшей у него любимый гаджет.

— Какое же свинство!

Чжун Ин обернулся. Характер Ли Цзиньцю читался как открытая книга. Композитор метался

по комнате словно капризный ребёнок, не способный усидеть на месте. Изливая душу, он нервно барабанил пальцами по стеклу, симулируя привычные движения скроллинга на экране смартфона — верный признак тяжёлой цифровой абстиненции.

Видя эти судорожные постукивания, Чжун Ин окончательно простил ему случайное предательство. Злиться на этого бедолагу было просто невозможно.

— Я благодарен Доменико уже за то, что он помог мне пробраться в усадьбу. Требовать от него разделить со мной участь изгнанника было бы слишком эгоистично.

Ли Цзиньцю опешил от такого великодушия и красноречиво указал пальцем сначала на юношу, а затем на себя:

— То есть разделить участь со мной ты не против?

— Будто у меня был выбор, — усмехнулся Чжун Ин.

Действительно, во всём была виновата паранойя старого Беллу, который подгрёб под одну гребёнку и ни в чём не повинного Ли Цзиньцю, обрекая несчастного композитора на вечные муки томления.

Так двое малознакомых музыкантов провели этот тоскливый, тягучий день в роскошном заточении. На ужин слуги принесли великолепные блюда — усадьба Беллу обеспечивала своих пленников всем необходимым, кроме самого главного: свободы.

Они молча сидели в гостиной, наблюдая, как догорает багровый закат над озером. В комнате воцарилась тяжёлая, давящая тишина, которая с приходом сумерек стала казаться почти осязаемой.

Без телефона, без любимых записей и даже без заваливавшегося телевизора, способного хоть как-то разогнать безмолвие, Ли Цзиньцю медленно сходил с ума. Его поражало олимпийское спокойствие соседа: Чжун Ин часами сидел неподвижно, словно созерцание одного и того же унылого пейзажа за окном составляло весь смысл его существования. Какую же жизнь нужно вести, чтобы выработать в себе подобную отрешённость?

Когда на аллеях парка зажглись первые фонари, залив сад мягким янтарным светом, терпение композитора окончательно лопнуло.

— Может, поговорим? — нарушил он молчание.

Чжун Ин мгновенно оторвался от своих мыслей и повернулся к нему:

— О чём?

— О чём угодно! Можешь даже спеть, если умеешь, только нарушь эту гробовую тишину! — взмолился Ли Цзиньцю, чей капризный нрав требовал хоть каких-то звуков.

Подумав немного, Чжун Ин медленно поднял руки и занёс их над невидимой плоскостью. Пальцы его пришли в движение: он виртуозно, с поразительной точностью и грацией заскользил по воздуху, словно перебирая струны воображаемого циня.

Ли Цзиньцю остолбенел. Как человек искусства, он не раз видел выступления мимов и актёров пантомимы, но столь детальной и одухотворённой имитации игры на невидимом инструменте ему лицезреть ещё не приходилось.

— Это ещё что за перформанс? — изумился композитор.

Не прерывая плавных движений рук, Чжун Ин тихо ответил:

— Следую примеру Тао Юаньмина.

— Кого? — переспросил Ли Цзиньцю. Образование позволяло ему помнить это имя. Великий поэт-отшельник эпохи Восточная Цзинь, автор «Персикового источника» и множества пасторальных стихов. Но о подобных странностях классика он слышал впервые.

— Не припомню у него увлечения воображаемыми инструментами!

Прямолинейность и детская непосредственность Ли Цзиньцю неизменно вызывали у Чжун Ина улыбку. Этот чистый, эксцентричный творец умел подбирать такие обескураживающие слова, что любая тоска мигом улетучивалась.

Сохраняя на лице мягкую полуулыбку, юноша продолжал перебирать воздух искусными пассажами, виртуозно выполняя скольжения и щипки. Даже без реального инструмента перед глазами он безошибочно воспроизводил сложнейшую аппликатуру, ведомый лишь внутренним слухом.

— У Тао Юаньмина был бесструнный цинь, — неторопливо объяснил Чжун Ин, пока его пальцы выписывали в воздухе невидимые узоры. — Он часто предавался хмельному веселью и касался деки этого безмолвного инструмента. Поэт говаривал: «Лишь тот постигнет суть игры на цине, кто не нуждается в звучании струн».

Он мягко улыбнулся:

— Вот и мы с вами: пусть мы заперты в этих стенах, но пока музыка звучит в наших сердцах,

ничто не мешает нам мысленно собирать хризантемы у восточной ограды и созерцать южные горы.

Ли Цзиньцю оценил поэтичность момента и негромко похлопал в ладоши. С такой высокой философией парню место не здесь, а в каком-нибудь глубоком монастырском подземелье — пускай сидит там в крошечной тьме, извлекает божественные звуки из пустоты и созерцает свои ментальные вершины.

Однако Чжун Ин не шутил. В его разуме хранились сотни древних партитур, и сейчас он с глубокой сосредоточенностью дарил этот беззвучный концерт своему единственному слушателю.

Растерявший весь свой пыл композитор устроился поудобнее, честно пытаясь уловить внутренний ритм этой пантомимы. Движения рук Чжун Ина действительно завораживали — безупречная техника, выверенные жесты, каждый взмах пальца дышал древней традицией. Но в голове самого Ли Цзиньцю в этот момент хаотично гремели то Девятая симфония Дворжака, то Третий фортепианный концерт Рахманинова, и ни один из этих бушующих пассажей никак не накладывался на безмолвные движения юноши.

От этого диссонанса раздражение вспыхнуло с новой силой. Ни телефона, ни клочка нотной бумаги... Настоящая пыточная!

Чем дольше он созерцал это безмятежное перебирание невидимых струн, тем сильнее звенело у него в ушах от могильной тишины. Никакого единения с природой и величия духа он так и не постиг. Напротив, в голову лезла лишь одна шальная мысль: «У меня уже в глазах рябит от этих движений!»

Пока Чжун Ин мысленно наслаждался умиротворяющей мелодией возвращения к родным пенатам, Ли Цзиньцю внезапно сорвался с места.

Не проронив ни слова, он стремительно взлетел со своего ложа, ворвался в спальню и с грохотом захлопнул за собой дверь.

— Всем спать! Доброй ночи! — донёсся из-за преграды его раздражённый рык.

Ранним утром в дверь постучали. Личный помощник Беллу собственноручно доставил затворникам завтрак.

Судя по помятому виду Ли Цзиньцю, ночь для него выдалась адской. Под глазами залегли глубокие тени, лицо осунулось — бессонница, терзавшая его последние дни, в этих застенках разыгралась в полную силу.

— Господин помощник, — обратился Чжун Ин к вошедшему, — господин Ли не имеет никакого отношения к моей лжи. Зачем вы держите его под замком?

Ли Цзиньцю удивлённо вскинул голову, не ожидая, что подельник решит заступиться за него.

— Господин Беллу лишь хочет обезопасить праздничный вечер от любых неожиданностей, — вежливо, но твёрдо пояснил помощник. — Если господин Ли окажется на свободе и случайно проговорится о вашем местонахождении, это доставит нам массу хлопот. Впрочем, если вы чувствуете себя неважно, можете остаться здесь и не сопровождать нас в поездке.

— Куда это вы собрались? — хриплым от недосыпа голосом спросил композитор.

— Господин Беллу полагает, что между ним и молодым мастером Чжуном возникло досадное недопонимание, — вкрадчиво заговорил ассистент. — Поэтому он предлагает вам посвятить сегодняшний день экскурсии по Музею Гаррисона Беллу. Там вы сможете воочию убедиться, как много наш патрон сделал для сохранения китайского наследия...

Договорить ему не дали. Ли Цзиньцю резко отодвинул стул и поднялся во весь рост.

— Да я лучше целый день буду зубрить хвалебные оды вашему патрону в его музее, чем проведу здесь ещё хоть час! В этой дыре нет ни интернета, ни музыки, ни даже паршивого телевизора. Это не комната, а филиал ада на земле!

Он уставился на ошарашенного помощника, даже не пытаясь сгладить углы:

— Если секрет долголетия Беллу кроется в подобном аскетизме, то я предпочитаю умереть молодым.

С этими словами он решительно направился к выходу, всем своим видом демонстрируя готовность ехать куда угодно, лишь бы покинуть опостылевшие покои.

Его ничуть не заботило, что эта экскурсия задумывалась как сеанс принудительной политинформации для Чжуна Ина.

Как только они сели в машину, Чжун Ин попытался завязать разговор, но измученный композитор демонстративно зажмурился, и на его лице явственно читалось: «Не трогай меня, я труп». Юноша не стал навязываться и молча уставился в окно, разглядывая проплывающие мимо улицы Флоренции.

Он уже бывал в этом городе, но в самом музее Беллу ему до сих пор бывать не доводилось.

В стороне от оживлённой магистрали раскинулась величественная площадь, вымощенная

грубым серым камнем в античном стиле. Позади строгих конных статуй высилась широкая парадная лестница, ведущая к массивным колоннам главного входа. Фасад здания, выдержанный в благородных серо-голубых тонах, так и манил туристов, без конца щёлкавших затворами фотоаппаратов.

В сопровождении охраны и ассистента они беспрепятственно миновали кордоны и вошли внутрь. Даже после того как внушительная часть экспозиции перекочевала в Музей озера Цинлин, залы не утратили былого величия. В главном павильоне по-прежнему безраздельно царила атмосфера древнего Китая.

Едва переступив порог, Чжун Ин замер перед огромной стеклянной витриной в самом центре зала. Внутри неё покоился знаменитый свиток — «Панорама рек и гор на тысячу ли».

Изумрудно-лазурные пики и тончайшие изгибы рек на пожелтевшем от времени шёлке оживали под мягким направленным светом софитов, приковывая к себе взгляды посетителей.

— Мы пригласили нашего лучшего специалиста, который проведёт для вас персональную экскурсию, — с вежливой улыбкой сообщил ассистент, приостановившись у витрины. — Надеюсь, познакомившись с экспозицией поближе, вы по достоинству оцените те колоссальные усилия, которые господин Беллу приложил ради спасения этих шедевров.

С этими словами он направился к стойке администрации.

Ли Цзиньцю, успевший немного вздремнуть в дороге, выглядел заметно бодрее. Он скептически прищурился на витрину и негромко спросил:

— Что, старик решил устроить тебе сеанс промывки мозгов?

Чжун Ин промолчал, не отрывая взгляда от живописного полотна.

— Ты-то ладно, у тебя стержень железный, — хмыкнул Ли Цзиньцю. — А вот за себя я не ручаюсь. Я человек мягкий, доверчивый, меня легко сбить с толку красивыми речами. Подсунут нам какого-нибудь сладкоречивого гида, он мне зубы заговорит — я и не замечу, как сдам Доменико со всеми его потрохами.

Чжун Ин наконец оторвался от созерцания горного пейзажа и с недоумением посмотрел на спутника, поражаясь тому, с какой лёгкостью тот готов продать друга.

— Мне казалось, ты планировал соблюдать нейтралитет. Всё-таки господин Доменико твой давний товарищ.

Ли Цзиньцю остался чрезвычайно доволен тем, что ему удалось переключить внимание юноши со старинной живописи на себя.

— До вчерашнего дня так оно и было, — высокомерно вскинул он подбородок. — Но раз он и пальцем не пошевелил, чтобы вытащить меня из этого домашнего ареста, я принял единоличное решение аннулировать нашу дружбу.

Детская непосредственность композитора вновь вызвала у Чжун Ина улыбку. Сам Ли Цзиньцю, впрочем, выглядел на удивление серьёзно, искренне полагая, что поступает по высшей справедливости.

Только Чжун Ин собрался сказать пару слов в защиту отсутствующего пианиста, как знакомый голос прервал их пикировку.

— Брат? Господин Чжун?

К ним скорым шагом приближалась Чжоу Цзюньтун в простом летнем платье. На её лице читалось крайнее изумление.

— Какими судьбами вы здесь?

— А ты почему ещё не улетела в Китай? — тут же включил режим строгого старшего брата Ли Цзиньцю.

— Билеты уже на руках, — невинно захлопала глазами девушка. — Но директор музея лично попросил меня провести экскурсию для каких-то особо важных гостей господина Беллу...

Чжун Ин негромко рассмеялся:

— Похоже, эти важные гости — мы.

Ли Цзиньцю шумно выдохнул, и всё его напряжение мгновенно улетучилось.

— Какое облегчение! Ну, теперь-то мне точно не грозит промывка мозгов. Твоего красноречия на это явно не хватит.

Чжоу Цзюньтун одарила брата недоумённым взглядом.

Вернувшись в музей неделю назад, Чжоу Цзюньтун первым делом подняла все архивные документы, касающиеся десятиструнного циня. К её глубокому разочарованию, происхождение инструмента базировалось исключительно на устных рассказах самого Гаррисона Беллу. Не нашлось ни единой квитанции об аукционной сделке, ни договора о передаче или покупке «Изящного созвучия». Все музейные записи основывались лишь на описании полуразрушенного корпуса с оборванными струнами и туманных заявлениях патрона о покупке инструмента на торгах.

Она пыталась расспросить своего наставника, но тот лишь развёл руками. Попытка прояснить ситуацию у директора музея тоже не увенчалась успехом — вместо ответов тот огорошил её личной просьбой:

— Господин Беллу просил подобрать гида, который досконально знает историю нашей коллекции и ту неоценимую роль, которую его семья сыграла в спасении восточного искусства. Я думал поручить это Бетти или Фреду, но раз уж ты вернулась, выбор очевиден. Никто в этих стенах не относится к нашему патрону с таким благоговением, как ты. Я уверен, тебе удастся донести до гостей всю глубину величия Гаррисона Беллу.

Ещё месяц назад директор попал бы в яблочко. Чжоу Цзюньтун, посвятившая жизнь реставрации ради спасения родной культуры, действительно боготворила Беллу. Она искренне восхищалась его филантропией и зачитывалась историями о его трогательной дружбе с Шэнь Лином, заслужив в коллективе репутацию преданного фаната основателя музея.

Но всё изменилось после поездки в Китай.

Теперь, когда перед ней стояли Чжун Ин и её собственный несносный братец, она понимала: директору суждено горько разочароваться в своей протее. Факты, изложенные Чжун Ином, и тёмные пятна в истории десятиструнной лютни заставили её взглянуть на кумира другими глазами. В её душе зародились глубокие, пугающие сомнения.

Что же касается Ли Цзиньцю... Она безуспешно пыталась привить брату любовь к Беллу на протяжении пяти лет. Поверить, что одна экскурсия заставит его пересмотреть свои взгляды, было бы верхом наивности. Проще было расшибиться о стену.

Помощник Беллу, заметив, что экскурсовод близко знаком с гостями, недовольно поморщился.

— Насколько мне известно, нам требовался специалист, испытывающий глубокое почтение к господину Беллу, безусловно знающий его биографию и владеющий как китайским, так и итальянским языками, — высокомерно процедил он.

— Всё верно, — не дав сестре вставить ни слова, поддакнул Ли Цзиньцю. — Уж в чём-в чём, а в заучивании жития святого Беллу ей равных нет. Может вещать с утра до ночи без перерыва на обед, разбавляя факты личными восторженными комментариями. Раньше она натурально устраивала мне сеансы сектантской вербовки, требуя, чтобы я разделил её экстаз. Так что выбор идеальный. В этом деле она настоящий профи.

Услышав такую рекомендацию, ассистент ошеломлённо уставился на девушку:

— Вот как?

Чжоу Цзюньтун изо всех сил сдерживала желание придушить брата прямо здесь, под прицелом

музейных камер. С трудом вернув лицу вежливое выражение, она процедила сквозь зубы:

— Мой брат склонен к... избыточным художественным преувеличениям. Однако экспозицию я действительно знаю досконально. Если у вас есть сомнения в моей компетенции, вы можете обсудить это с директором.

Не давая чиновнику времени опомниться и вставить возражение, она решительным жестом указала на раскинувшееся за её спиной полотно:

— Что ж, начнём наш экскурс с этого монументального свитка. Представляю вам «Панораму рек и гор на тысячу ли».

За годы работы реставратором Чжоу Цзюньтун изучила это полотно буквально по миллиметру.

— Длина свитка составляет одиннадцать метров девяносто один сантиметр, ширина — чуть более полуметра. В этой грандиозной панораме автор объединил в единое целое величественные горные хребты, бурные потоки, тихие рыбацкие деревушки и парящих птиц. Экспертиза показала, что перед нами не оригинал кисти сунского мастера Ван Симына, однако бумага и красители датируются началом девятнадцатого века. Это высокохудожественная копия эпохи Цин.

Даже будучи копией, свиток, учитывая его солидный возраст, представлял колоссальную историческую ценность.

Подробно описав композицию и скрытый символизм картины, девушка на секунду замялась и украдкой взглянула на Чжун Ина, прежде чем продолжить:

— Согласно архивным записям нашего музея, эта картина была преподнесена господину Беллу его близким другом, господином Шэнь Лином, в качестве прощального дара перед отъездом из Китая.

Чжун Ин ответил ей спокойным, понимающим взором. Было очевидно, что после их встречи у озера Цинлин Чжоу Цзюньтун заметно повзрослела. Она больше не сыпала заученными штампами о великом бескорыстии Беллу, а словно искала у Чжун Ина подтверждения своим догадкам, готовая выслушать любую, даже самую горькую правду.

Чжун Ин действительно уже видел этот свиток раньше — на пожелтевших страницах старого архивного журнала Общества изящных созвучий минувшего. Даже на некачественной чёрно-белой печати тридцатых годов контрастные переходы этой копии «Панорамы рек и гор» были легко узнаваемы.

Раз уж маски были сброшены, он не видел смысла деликатничать.

— Последнее упоминание об этом свитке на территории Китая датируется тридцать седьмым годом, — негромко, но отчётливо произнёс он. — Тогда дебютное выступление Общества изящных созвучий минувшего произвело фурор. В прессе вышла большая иллюстрированная статья, и на снимке музыканты позировали именно на фоне этой цинской копии «Панорамы».

Он сделал паузу, давая спутникам осознать сказанное.

— Эта картина хранилась в семье Шэнь и бесследно исчезла в сорок втором году вместе с десятиструнной лютней «Изящное созвучие». И раз уж доказано, что старинный цинь Беллу попросту украл, у меня нет ни единого основания верить в сказку о «прощальном подарке» господина Шэня.

Лицо Чжоу Цзюньтун исказила смесь шока и горького прозрения.

Прежде чем она успела вымолвить хоть слово, стоявший рядом помощник вскипел от негодования, грубо прервав юношу:

— Да как у вас язык поворачивается?! Когда ваших родителей ещё и на свете не было, господин Беллу и Шэнь Лин уже были верными друзьями, чью связь не могли разрушить никакие океаны! Если бы не преданность патрона этой дружбе, наш музей никогда не выставил бы в главном зале эту дешёвую копию, не представляющую особой ценности для европейских коллекционеров!

Он высокомерно ткнул пальцем в сторону Чжун Ина:

— Чтобы вы знали, род Беллу ведёт свою историю с двенадцатого века! Они носили герцогские титулы, когда ваши предки ещё землю сохой пахали. Состояние господина Гаррисона позволяет ему при желании приобрести оригинальную сунскую картину. С чего бы человеку такого масштаба опускаться до банального воровства?!

Чжун Ин лишь снисходительно усмехнулся:

— Вот и мне безумно интересно: зачем человеку с такими деньгами понадобилось становиться вором?

От подобной дерзости ассистент побагровел, а его усы гневно затряслись.

— Какая чёрная неблагодарность! — задыхаясь от ярости, выкрикнул он и резко повернулся к Чжоу Цзюньтун: — А ну живо расскажи этому невежде, сколько бесценных сокровищ господин Беллу выкупил у перекупщиков! Расскажи, сколько шедевров ваши же соотечественники за бесценок сбывали на чёрных рынках, пока он не спас их от полного уничтожения!

<http://bllate.org/book/20108/1998738>